

Истинным желанием мужчины издревле считалось женское тело. Ещё древние люди, добравшись до земледелия, освоив письменность и начав зарождать цивилизации, создавали фигуры прекрасных дам, о которых мечтали.

Существует древнейшая находка статуэтки, не больше тридцати сантиметров ростом, без лица, но с гипертрофированной фигурой, женщины. И отнюдь, то не была красотка, на которую современные ценности распространяются. Та статуэтка девушки обладала ромбовидной формой, то есть, ещё издревле, люди пытались достичь того, чего не видели. Идеал красоты прошлого составлял полную даму с огромной грудью, пышным животом и широким тазом. Округлый живот, не редко мог изображать не столько полную даму, сколько её временное состояние — беременность. Это так званные Венеры Палеолита. Выточенные из слоновой кости, или же обожженные из глины доказательства первой керамики, полные или худые, с большой грудью, или маленькой, это не меняет одного!

Во всех религиях, во все времена, мужчины желали тело противоположного пола. Сказать, что обратной ситуации не случалось, значит оскорбить всех женщин мира, плюнуть им в лицо, обозвав «инопланетянами». Мужчина тянется к женщине, женщина тянется к мужчине. Они словно магниты, с разной полярностью, стоит сцепиться, как расцепить их сумеет только сила времени.

Сколько стихов, сколько произведений было написано и оставлено навеки, ярким клеймом на теле мировой культуры под действием такой силы как Любовь. Скоротечное, но вознесенное в Абсолют чувство, от которого не убежать.

Впрочем, бывают на свете и разные девиации, отклонения от заданного курса. Иногда природа шутит слишком сильно и слишком тихо, чтобы её шутку можно было обнаружить сразу...

Как ранее, ещё утром было предложено, сейчас, вечером было исполнено. Измученная группа, состоящая преимущественно из представительниц прекрасного пола, чьи лица выражали степень крайней усталости, попала в баню.

То было достаточно элитное сооружение, чтобы мысли всякого, кто проходил мимо, останавливались на отметке «Роскошно». Все было столь цивилизно и привычно, что по первой Нилрему казалось, он переместился на несколько десятков лет вперёд.

Вполне естественно, для столицы, буквально окружённой речками и водоёмами, использовать их на полную. Вот и владельцы бани, не чурались брать с посетителей дополнительную плату не только за отменную баню, но и за последующее мытьё. Так сказать, плата за креативность. В отличие от других, местечковых бань, где мыться дозволялось в больших деревянных мисках, эту баню помогали разрабатывать маги, используя для удобства разные массивы магических кругов. К примеру, постоянно разогревать воду для бассейна под открытым небом было бы невозможно, но есть магический круг, который по очереди напитывают несколько работающих в заведении магов.

Для Грейрата подобное открытие было удивительным. Он отлично пропарился на углях, да очистил все поры, и сейчас блаженно растягивал все конечности в теплой воде.

— Не зря переплатил, — относительная тишина, внушала в его голову покой и умиротворение, которое просто не оставляли в грузной голове и намёка на проблемные мысли.

Подобно восковым фигуркам над огнем, алые бабочки последовали примеру создателя и

блаженно распускали крылья, сидя на ветках ближайших деревьев. Журчание ручейка, легкая вуаль пара и никого...

— И не говори.

Практически, никого. В двух метрах от парня, в воде «таял» ещё один посетитель. Как не посмотри, а Нилрем был в бане, а не на частном курорте. Но, это не отразилось на лице Грейрата ни малейшей гримасой горечи или злобы.

Люди встречались здесь, в бане, столь же естественно, как церковные попы на светском балу, а около мясных прилавков бабы. Ничего удивительного, и те более смущающего просто не существовало; и рассчитаны были эти купальные заведения на все классы. Просто встретить единственно прихожанина было неприятно в силу своей непомерной жадности.

Ночь не заканчивалась, а свету из масляных ламп было глубоко все равно, на то, сколько ещё посетителей собираются задерживаться в купальне, омывая в теплой ванне свои косточки.

Низкий пар от прозрачной воды, приятно ложился на свет и тишину открытой местности. Грейрат запрокинул голову вверх, и совместно с собственными мыслями наслаждался звездами, которые являлись на свет — точно рождались. Подобные спокойные, размеренные аки идущий ленивец моменты желалось растянуть подольше, и повторять их почаще.

Вода же медленно омывала точеное тело, не слишком то и маленького мальчика.

Сидевший неподалеку парень, лет двадцати, двадцати пяти, с такой же блондинистой шевелюрой, приоткрыл глаз, лишь мимолетным взглядом незаинтересованного хищника, прошёлся по телу Нилрема. Последний не остался в дамках. Ощувив взгляд старшего, он проделал точно то же самое, не забыв под конец коварно хмыкнуть и быстро снять с лица полуухмылку, как если бы вспомнил старую шутку или поговорку, но тут же отбросил её.

У незнакомца дернулась бровь, а лёгкая улыбка окрасила его лицо. Острый нос обратился точно к малому.

Он собирался что-то сказать, приоткрыв рот, его внезапно заткнули выкриком из дома. Того, откуда они оба, по очереди выходили из бани. То был женский голос, нет девичий писк, ещё не созревших голосовых связок.

— Старший брат! — Нилрем остался невозмутим, и казалось, даже не слышал голоса, в отличие от парня неподалеку, который все же посмел колебать привычный поток воды своими ненужными разворотами-поворотами. Его глаза с удивлением заметили, как девочку не выше семи лет в плотном полотенце, тянут назад чьи-то руки. Это была неравная борьба, где девочка звала брата на помощь, а тот равнодушно погрузился в теплую воду поглубже, уже по самую шею. — бра...

Двери ведущие на открытые купальни захлопнулись, подобно лезвию гильотины, обрезав остальную часть душераздирающего крика о помощи. Взгляд парня, напряженными шажками вернулся к Нилрему дабы задать, нет, вернее уточнить несколько деталей.

— Это...

— Не обращай внимания, — легко взмахнув кистью, она тут же поглотилась водой обратно.

— Хм, сестёр надо защищать, — говоривший мужчина не был груб или резок. Он понимал всю

комичность ситуации и уже успел выдумать десять и одну отговорку, почему брат так равнодушно отозвался на мольбы сестры. И все же, эти отговорки не помешали его разуму возмутиться подобной халатностью. Даже если все это напускное.

— Не тебе меня поучать.

Незнакомец кивнул, принимая ответ, но все же не понимая, что подобная фраза применялась Грейратом ко всем.

— Меня зовут Клайм, как звучит твоё имя? — Клайм протянул мальчику руку, чтобы её пожали. В подобных местах, знакомства заводили сплошь и рядом, это базовый этикет.

С ленцой взглянув на сморщенную от влаги и воды ладонь своего собеседника, Панацея фыркнул и оттолкнул её подальше, все с тем же выражением лица проговаривая:

— Клайм, мое имя Нилрем Грейрат, впрочем, не знать меня — что грех совершить тебе так не кажется?

— Нилрем? — отдаленный уголок памяти Клайма отозвался на это имя. Самое забавное, что оно звучало в его прошлом совсем недавно, но полностью вспомнить, от кого он о нём узнал, так и не удавалось. — А мы случаем раньше не встречались?

— Не думаю, уж поверь моему слову, я здесь совсем недавно, и врагов не успел завести.

— Если ты так говоришь, то выбора не остаётся, — выбора на самом деле больше не было, только принять свою разбушевавшуюся память за нестандартный приступ дежавю и жить с ним дальше.

В безрезультатных попытках нащупать воспоминание, которое вертелось на языке, Клайм перешёл на более привычный ему уклад мысли.

«Учитывая, сколько самодовольства в засранце, он из тех гнилых знатных родов», мужчина ещё недавно приехал в столицу, а за время которое он потратил на дорогу, успел разобраться, разве что с фракциями, которые здесь грызут друг другу глотки, и главами основных сил Милиса. Помнить и знать о каком-то мелком отпрыске очередного благородного дома ему не приходилось.

Впрочем, навязывать свою душу на возможные разборки с этим невоспитанным Нилремом в этот тихий вечер, Клайм не собирался. Его сердце и разум пускай и спотыкались о мальчишескую фигуру в непонятных ощущениях, они все же лежали абсолютно в других плоскостях, и хотели петь да танцевать, а не распутывать полупрозрачный клубок ниток. У сего состояния нирваны наверняка есть причина, и да, она была одна, но очень-очень важная. Его сестра наконец-то здорова и жива. Сломанную птичку выпустили из заточения немощного тела.

Потому Клайм попросту проглотил манеру речи мальчика и дивные внутренние ощущения, не начав их как-то особо обмозговывать и комментировать. За время «работы» на целую расу, для её расположения к себе, Клайм не раз и не два сталкивался с подобными гордецами. Зачастую их слова просто пшик перед глазами. Ничего общего с реальной силой их не связывало.

Вот так на несколько минут в этом месте опять воцарился покой. Медленный ручеек отлично смывал все насущные проблемы и грязные мысли, унося их кому-то другому, вдоль реки, заноса те тяжелые думы под гальку, где они медленно таяли под напором воды.

И Клайм, и Нилрем поддались течению, его спокойствию, простоте, идеализму. Нилрему казалось, что здесь можно сидеть вечно, и даже за целую вечность не удастся полностью насладиться всей прелестью звёзд или тишиной местных окрестностей. Клайм же медленно таял, ощущая, как ещё секунду и он просто заснёт, а в своем сне, он превратился в мелкий ручей, в котором будет проводить остаток своей короткой жизни.

«А я вообще могу умереть?» С одной стороны, Дети Ночи были достаточно уникальной расой, но назвать с ходу их отличия от того же человека, Клайму было бы сложно... сложно было выбрать с чего бы начать, ведь как заверял Владыка Карс, все Дети Ночи, чьи силы вышли на уровень барона или выше, получают бессмертием. Нижайшие братья и сестры, все равно остаются на недостижимом для человеческого организма уровне, когда естественная регенерация позволяет отращивать кисти и ступни. А смертельные раны у обывателя, для Дитя Ночи всего лишь простая царапина. Чем выше ранг дитя, тем выше все его показатели, вплоть до святого ранга, коими являются Кандидаты в Короли Крови. А ведь никто из них, ни Алу Кард, ни Анна-Роуз Бладлайн не являлись обученными воинами.

Подобное ужасало Клайма и одновременно с этим восхищало. Он сам был на продвинутом уровне во владении стилем Бога меча, что, впрочем, к его годам не удивительно, учитывая талант его сестры, которая к годам Клайма была вдвое сильнее него.

Все же дар Клайма к Тоуки (Аура мечника, аналог маны), не столь велик, как у Канны, и к продвинутому рангу его подтолкнула исключительно трансформация в иную расу. Как не посмотри, а главным оружием каждого уважающего себя Дитя Ночи всегда был и будет навык Крови.

Он общий у всех и за исключением силы в зависимости от ранга, иногда отличается у разных представителей. К примеру, тот же Алу Кард, умеет пользоваться магией Крови на том уровне, когда с её помощью возможно лечение недоступным другим лекарям способом. Сам Клайм не обладал уникальными умениями в области магии Крови. Он считал себя крепким середнячком, и мог исключительно манипулировать небольшими объёмами алой жидкости, творя из нее разного рода атакующие и защитные формации.

Все же именно обещание о гарантированном бессмертии тела и соблазняет девяносто процентов людей. Так ли это на самом деле? Бессмертны ли Дети Ночи? Учитывая, что основание их расы начинается свой путь именно с Повелителя Карса, а тому лишь несколько лет к ряду, то подобные заявления от Владыки, кажутся Клайму не более чем преувеличением. Своеобразный слоган, зазывала в масштабах целой расы. Никто ещё не прожил достаточно долгую жизнь, дабы утверждать, что он бессмертный. Это просто дело времени.

«И все же мы молоды... Может двести или триста лет», парень отличии от большинства сородичей не позволял красивым речам висеть у себя на ушах, потому считал себя не бессмертными, а долгоживущим, подобно демонической расе.

— Учи... — дверь к купальне опять приоткрылась, и откуда уже показалась менее детская рука. Но и она не смогла пройти быстро, как порог перекрылся деревянной плоской перегородкой, она же дверь.

Впрочем, на этот раз, на другой стороне слышались отчетливые голоса женщин, которые причитали не одну девочку. Голос был раздражён, а Нилрем узнал в нём Терезу.

— Что вы здесь делаете? Отлучились вы в туалет, а где я вас нахожу?! На секунду же сюда заглянула, убедиться, что вас здесь нет, а вы...

— Я... Нет, хья! Я не пыталась подсмотреть или что-то в этом духе! За кого вы меня принимаете?! Я... я искала туалет! Да!

— Я тоже! Я тоже! Я вовсе не желала увидеть брата.

— Милостивый Милис, дай мне сил... Так, сейчас вы оба пройдёте со мной.

— Но, как же учить... я имела ввиду туалет! Ай, не тяните за ухо!

— В воду пописаешь.

— Хьях! Это варварство! Я отказываюсь, это ниже моего достоин...

Звуки отдалились от двух парней до той точки, когда их перестало быть слышно. Как считал Клайм, его острое чутье позволило ему максимально долго слышать тихий разговор, в то время как простой паренёк не сумел услышать и трети из него. Ему не было известно, что сам Нилрем, будь его желание и вовсе сумел бы слышать разговоры на второй стороне, в женской половине.

Впрочем, они не мерялись у кого лучше слух или что-то в этом роде.

Купания продолжились не столь долго, как могло показаться. Первым из душевого мирка ушел Клайм. С брошенным на плечо полотенцем, тот на выходе оглянулся и бросил Нилрему единственную фразу, прежде чем быстро ретироваться за дверь.

— Рекомендую не зазнаваться.

Про себя же, Клайм добавил: «Иначе мне придется терпеть нового собрата».

Не всегда к Детям Ночи приходят добровольно. Были случаи, когда перспективных юношей и барышень, намеренно склоняли к присоединению к расе. Клайм лично бывал на подобных авантюрах, а проведя большое время с Владыкой Карсом, не мог отрицать, что изначально, ему требовалась именно Каннах, как великая мечница, в то время как сам Клайм был простой разменной монетой, которая неожиданно засияла золотом.

Мозги Клайма были свято уверены в превосходстве Владыки, это было неизбежным отклонением, поскольку если бы его не было, сам Клайм сгинул бы быстрее чем остальные его братья и сестры.

По запаху, взгляду, лицу, тембру голоса и остальных неосознанных признаках, Клайм уже заочно записал Нилрема в свои собратья. Как-то так сложилось, что вся раса по неведомой ему причине является достаточно гордым народом. Вернее, набирают в неё исключительно гордецов, подобных Нилрему.

Сам же Грейрат никак не мог этого ведать. Он повел бровью, впервые осматриваясь назад, однако кроме закрытой двери никого там более не было.

Цокнув языком и недовольно нахмурившись, парень обратным движением упал в воду, поднимая небольшие волны.

— Все так и спешат меня учить.

Панацея вспомнил слова Терезы, ещё во время их похода по магазинам и скупки измерительных приборов. Его тётя утверждала, что самого Нилрема зачислили в школу, и ему

вскоре придется туда наведаться.

Для стоящей неподалёку Лили было приятно услышать, как Нилрем быстро начал договариваться на счёт Айши, буквально требуя и её отдать в школу. А кроме неё, на учебу должна была поступить и Мари. На подобное, Тереза с горечью понимания, какой тяжёлый разговор придется вести с матерью, согласилась.

На школу у юного мага были свои интересы. Он собирался утолить свой гастрономический голод по поводу хранителей знаний, они же книги.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3381108>